

Письма князя Дмитрія Александровича Хилкова.¹⁾

VIII.

16 Декабря 1913 г.

Дорогой Я. И., письмо Ваше отъ 7 Дек. получилъ. Читаль его съ очень пріятнымъ чувствомъ, т. к. содержаніе его показало мнѣ, что у насъ не только большая общность во взглядахъ на конкретныя явленія, но еще тождество въ коренномъ и основномъ пунктѣ отправления.

У каждаго человѣка своя точка отправления и свой путь. Когда люди близки или далеки другъ отъ друга во взглядахъ или поступкахъ, это еще мало что показываетъ или доказываетъ. Важенъ пунктъ отправления и направленія, ибо отъ этого зависитъ дальнѣйшее сближеніе или расхожденіе.

Возьмемъ для примѣра С. П—ча. Много въ его письмѣ есть такого, что намъ кажется неприемлемымъ, и я писалъ ему объ этомъ и дѣлалъ возраженія. (Его отвѣтъ на мои возраженія М. С. Д—ко долженъ былъ переслать К—ну). Во многомъ очень важномъ мы, какъ будто, не сходимся, напр., въ вопросѣ о Церкви. Но все это становится неважнымъ и несущественнымъ, разъ мы въ точкѣ отправления беремъ такое направленіе, которое насъ сближаетъ, а не разъединяетъ. Каково бы ни было „ученіе С. П—ча“, оно во всякомъ случаѣ не „пантеизмъ“. А разъ онъ, читая Евангеліе, не склонился къ пантеизму, что есть самая большая опасность для интеллигента, настроеннаго *религіозно*, разъ онъ избѣжалъ и второго подводнаго камня, на которомъ терпятъ крушеніе мудрые и разумные, т. е. *раціонализма*, то все говоритъ за то, что мы сблизимся, а не разойдемся.

Совсѣмъ другое съ Д—ко. Д—ко избралъ путь раціонализма,

¹⁾ См. „Б. В.“, 1915. Апрель.

путь разумности и мудрости міра сего, для котораго наше съ С. П. пониманіе „юродство есть“.

Добролюбовцы пошли по другому пути: по пути мистическаго пантеизма.

И потому, какъ бы мы теперь, сейчасъ, ни сходились на частныхъ, конкретныхъ вопросахъ съ Д—ко и Добролюбовымъ,—единеніе мнимое, ибо пути наши разные, и, главное, направленіе разное.

И конечно, на пути и рационализма, и пантеизма стояли великіе люди. Но путь все же не христіанскій. И тотъ фактъ, что Л. Н. смѣшала всѣ эти направленія въ одно, мнѣ показываетъ, что онъ многое проглядѣлъ въ христіанствѣ. Что же онъ проглядѣлъ?

Проглядѣлъ онъ Церковь,—*Церковь, какъ ее основалъ Христосъ*. Проглядѣлъ концепцію Иисуса Христа о Церкви.

Если Вы спокойно и безпристрастно отнесетесь къ дѣлу, то увидите, что пути рационализма и пантеизма *не для массы*, не для „нищихъ духомъ“. И то и другое ученіе *склонно*, постоянно свихивается на раздѣленіе своего ученія: на явное—для массы, и тайное—для избранныхъ. Основы же христіанства и догматы Церкви—одни для всѣхъ. Тутъ можно многое сказать. На все это я отвѣчаю: да, это такъ, вы правы, но разница слѣдующая.

Пантеизмъ утверждаетъ, что „избранные“ *стоятъ выше*.

Христіанство этого не утверждаетъ, а Церковь, канонизируя „младенцевъ“ и „блаженныхъ“ (т. е., съ мірской точки зрѣнія, *юродивыхъ*), *утверждаетъ* совершенно противоположный принципъ.

И еще, пантеистъ, добролюбовецъ—говорить, или, по крайней мѣрѣ, *долженъ говорить*, если онъ послѣдователенъ и логиченъ: „*развивайтесь, добивайтесь!*“ Христіанинъ говоритъ: „*пользуйтесь, вамъ все дано*“. Опять-таки я знаю, что можно на это сказать. На это я отвѣчаю: если вы не видите тутъ разницы, то это происходитъ потому, что, называя себя христіаниномъ, вы пантеистъ; или же, называя себя пантеистомъ, вы, въ сущности, христіанинъ.

Мнѣ лично кажется, что этотъ вопросъ проще всего и яснѣе всего разрѣшается отношеніемъ къ Церкви. Пусть человѣкъ узнаетъ, какъ онъ относится къ Церкви, и онъ узнаетъ, пантеистъ ли онъ, или христіанинъ.

Буддизмъ очень сходенъ съ христіанствомъ. Но все же разница громадная и коренная. У буддизма нѣтъ концепціи Церкви.—Церкви, какъ *Тѣла Христова*. Нравится ли намъ эта концепція, или не нравится, это не важно. Важно то, что если эту концепцію исключить изъ Евангелія, то придется исключить—зачеркнуть $\frac{3}{4}$ Евангелія, и, что важнѣе,—устранить и изъять именно то, что и отличаетъ христіанство отъ другихъ міровоззрѣній и вѣрованій.

Раціоналистическая концепція христіанства такова: 2000 лѣтъ тому назадъ появилась Божественная Личность. Эта Личность черезъ нѣкоторое время ушла туда, откуда приходила, оставивъ ученіе. Религія въ томъ, чтобы установить *интимную, внутреннюю связь* между человѣческой личностью и этой Божественной Личностью. Мало-по-малу эта Божественная Личность замѣняется Ея ученіемъ, и раціоналисть оставляетъ связь съ Божественной Личностью и связываетъ себя съ Ея ученіемъ. (Протестантство въ этомъ положеніи; въ этомъ положеніи и всѣ раціоналистическія секты).

Концепція церковника совсѣмъ другая.

Онъ полагаетъ, что Искупитель-Христосъ (идея искупленія явно запечатлѣна на всемъ мірѣ, на всей жизни міра: во всемъ мірѣ *все* сущее такъ или иначе отдаетъ жизнь свою ради жизни другихъ), церковникъ полагаетъ, что Искупитель-Христосъ, сотворивъ Себѣ плоть,—воплотился. Для этого выбралъ народъ, колѣно, семью и Личность. *Въ этомъ* для церковника смыслъ Ветхаго Завѣта. Воплотившись, Божественная Личность—Искупитель, *ради продолженія Своего дѣла*, снова сотворяетъ Себѣ *плоть* изъ *человѣческаго естества*. Плоть эта и есть Церковь. Церковь—Тѣло Христа. Каждый церковникъ въ отдѣльности—„членъ Тѣла Христова“.

Когда раціоналисть говоритъ: „я живъ“, онъ разумѣетъ, что связалъ себя со Христомъ.

Когда церковникъ говоритъ: „я живъ“, то онъ этимъ хочетъ сказать и говоритъ слѣдующее: „я живъ, но живу *уже не я*, а живетъ во мнѣ Христосъ“.

Когда раціоналисть говоритъ о „духовной жизни“, онъ разумѣетъ *жизнь своей души*, и только. Церковникъ же, членъ Церкви, подъ словами „духовная жизнь“ разумѣетъ *гораздо больше*. Онъ еще разумѣетъ *соборную*, въ единеніи, жизнь

всѣхъ частицъ, всѣхъ молекулъ Тѣла Христова—во Святомъ Духѣ, или Святымъ Духомъ.

Когда рационалистъ-сектантъ говорить о благодати, то онъ разумѣеть нѣчто въ родѣ помощи Божьей, ему лично посылаемой и его лично оживляющей.

Членъ Церкви *кромя этого* утверждаетъ, что принятая имъ благодать проникаетъ еще и во всѣ частицы Тѣла Христова, т. е. и во всѣхъ друзей Христовыхъ, во всѣхъ членовъ Церкви. Для церковника „Церковь“ не только организація, но еще и Организмъ, не только система или ученіе, а Живая Личность. И эта Личность—Христось.

Видимая Церковь—это естественное, видимое и осязаемое Тѣло Христово.

А потому и судьбы Церкви должны быть подобны судьбамъ Иисуса Христа.

Она должна быть *искушаема и предаваема*, она постоянно умираетъ и постоянно воскресаетъ.

Если просмотрите рѣчи Спасителя, то увидите, что въ этихъ рѣчахъ именно это и излагается. И если эту концепцію исключить изъ рѣчей Спасителя, то придется исключить не только $\frac{3}{4}$ рѣчей *по буквѣ*, а еще вынуть, такъ сказать, краеугольный камень всего зданія.

При этой концепціи суть нашей жизни на землѣ такова: сила Христова, сила Искупителя, *втягиваетъ* во Христа частицы и молекулы міра *для дачи имъ высшей жизни*. Но вѣдь это самое и говорилъ Христось. Христось изъ насъ строитъ *Себѣ Тѣло*, которое не будетъ знать смерти. *Это Тѣло есть Церковь.*

Это Тѣло, въ его видимомъ образѣ, Христось называетъ Церковью Своею, Своимъ храмомъ, въ которомъ Онъ обитаетъ.

Это строительство идетъ во всемъ мірозданіи. Растенія втягиваютъ въ себя минералы и даютъ имъ высшую жизнь. Животныя втягиваютъ въ себя растенія, и такъ далѣе. И вездѣ дѣйствуетъ сила Христова.

Если Вы станете на такую точку зрѣнія, то Вамъ будетъ ясна и роль таинствъ и всего прочаго въ ученіи Церкви.

Божественный актъ *пріобщенія* къ высшей жизни и называется таинствомъ.

И этотъ актъ видимо совершается при посредствѣ лю-

дей—„священства“—Самимъ Христомъ. И на это есть по-
длинные слова Спасителя.

Подобно тому, какъ при земной жизни Христа приобщеніе
людей къ высшей жизни совершалось при посредствѣ *чело-
вѣческаго естества Спасителя*, такъ точно и нынѣ видимое
приобщеніе къ этой жизни совершается при посредствѣ ви-
димаго и осязаемаго *человѣческаго естества Тѣла Христова*,
при посредствѣ Церкви. Вотъ въ общихъ чертахъ то, что
отличаетъ христіанство отъ другихъ міровыхъ религій.

Если Вы сдѣлаете всѣ выводы изъ этой концепціи, то
увидите, что она, дѣйствительно, можетъ быть названа „уни-
версальной“, ибо равно можетъ удовлетворить и ребенка, и
„угольщика“, и Пастера. И я думаю, что многіе „пантеисты“
именно такъ или въ этомъ родѣ понимаютъ свой пантеизмъ,
не отдавая себѣ отчета, что это *не пантеизмъ*, не буддизмъ,
не добролюбовство, а *ученіе Церкви*, и именно нашей *право-
славной, соборной* Церкви. Если-бы они потрудились прочесть
догматическое богословіе, то и убѣдились бы въ этомъ.

А то вѣдь, читая буддійскія книги, они *не* читаютъ книгъ
по христіанскому догматическому богословію и судятъ по
наслышкѣ, что по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Я увлекся; простите.

Съ тѣмъ, что Вы говорите о „ребрѣ Адама“, я совер-
шенно согласенъ. Въ былое время интересовался подобными
„ученіями“. Они, кажется, въ Каббалѣ. Пшебышевскій на-
писалъ объ этомъ разсказъ „Андрогина“. Я думаю, все это
ни къ чему. *Но помню*, что когда-то самъ читалъ, а потому
нахожу естественнымъ, что и другіе читаютъ и увлекаются.

Насчетъ „готовности учителя“ я понимаю совершенно
такъ же, какъ и Вы.

Кромѣ того, полагаю, что если Церковь есть живой орга-
низмъ, то очень естественно, чтобы одна частица непосред-
ственно дѣйствовала на другую частицу, когда эта другая
частица готова къ воспріятію.

Подробности дѣйствія тутъ не важны: это, именно, область
„тайны“ или „таинства“. Поэтому Церковь въ принципѣ не
ограничиваетъ таинствъ цифрою 7.

Кромѣ того, говоря о сверхъестественномъ, Церковь *утвер-
ждаетъ и учитъ*, что сверхъестественное *не* противоре-
ственно, а только превосходитъ, идетъ дальше естественнаго.

О Н—въ я слышалъ, и многое, что онъ утверждаетъ, мнѣ симпатично. Но, къ несчастью, я не могу принять *его основную точку зрѣнія*. Въ сущности у насъ, насколько я знаю, *коренное разногласіе*.

Онъ, *насколько я знаю, пантеистъ*. Онъ утверждаетъ истинность всего сущаго и думаетъ, что только *узость* нашего *мысленія* мѣшаетъ это видѣть и мысленно приобщиться или сказать да всему сущему и происходящему.

Я не согласенъ съ этимъ.

Такое *мысленное* присоединеніе для меня не что иное, какъ *механическое* соединеніе. Дѣло не въ томъ, чтобы мыслить одинаково, а дѣло въ томъ, чтобы жить однимъ и тѣмъ же.

„Я живъ“, говоритъ Павелъ, „но уже не я живу, а живетъ во мнѣ Христосъ.“

А Христосъ это же самое выражалъ словами: „никто не спасетъ жизни своей, *если раньше* не потеряетъ ея“.

Для чего ее терять? Для того, чтобы *дать возможность* Христу жить въ этомъ потерявшемъ *свою* жизнь человѣкѣ.

Теперь, Н—въ, какъ я его понимаю, *утверждаетъ* эту самую „свою“ жизнь и этимъ *не даетъ возможности* Христу жить въ немъ.

Очень можетъ быть, что я не понимаю Н—ва, но мнѣ кажутся непонятными его выраженія и то, что онъ не договариваетъ до конца, не дѣлаетъ до конца выводовъ изъ своихъ положеній,

Кромѣ того, при концепціи Н—ва, „угольщикъ“ не можетъ *единиться* съ Пастеромъ, ибо ясное дѣло, что мышленіе ихъ и воспріятіе ими міра различно.

При церковной концепціи, основанной на словахъ Христа и Ап. Павла, единеніе „угольщика“ или неграмотной бабы съ Пастеромъ вполне возможно. Какимъ образомъ? А тѣмъ, что „они живы, *но не они живутъ*, а живетъ въ нихъ Христосъ“. Поэтому оказывается, что истинно *демократическимъ* ученіемъ, *въ лучшемъ, самомъ возвышенномъ и широкомъ значеніи* этого слова (демократизмъ), является ученіе Церкви.

Дары различны, но жизнь едина, ибо живетъ во всѣхъ Единный. Въ ученіи Церкви дѣло вовсе не въ расширеніи *сознанія*. Сознаніе есть сосудъ—и больше ничего. Можете въ этотъ сосудъ захватить хотя бы весь міръ, все небо, всю

преисподнюю. Но что изъ этого? Что изъ того, если объедините въ этомъ сосудѣ все сущее? Ну, и скажете: я сдѣлалъ своимъ все сущее. *Все во Мнѣ*. Все примирилось во мнѣ.

Но вѣдь это *безуміе*, если все это *мертво*, если „душа повреждена“, „ея нѣтъ“, или она *можетъ отняться*. А вѣдь пока *эта душа* не замѣнена „Христомъ“, она, несомнѣнно, отнимется.

Все это *расширеніе* сознанія (захватъ имущества, какъ говорилъ Спаситель) имѣетъ смыслъ только при наличности *жизни*.

Но если „жизнь“ есть, то вѣдь расширеніе сознанія кажется благомъ такимъ *мизернымъ*, что и говорить о немъ вовсе не стоитъ. И въ этомъ самомъ *ученіе Церкви* о расширеніи сознанія и мышленія. Это же самое Спаситель выражалъ притчей: что пользы человѣку, если приобрететъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?

А какъ же не повредить душѣ, попользовать ей? Путь одинъ. Надо начать съ того, чтобы ее потерять.

Н—въ стоитъ на принципѣ *діаметрально противоположномъ*.

Если же я его не понимаю и толкую невѣрно, то *смыслъ* *го словъ* (при другомъ толкованіи) выражаетъ и можетъ выражать только то, чему учитъ Церковь. Значитъ, онъ, не зная того,—членъ Церкви. И многіе интеллигенты именно въ этомъ положеніи. И это понятно, ибо, читая книги самыя „дальнія“, они совершенно пренебрегаютъ тѣмъ, что подъ руками и передъ глазами, ибо, говорятъ они, что можетъ быть хорошаго изъ Назарета?

Случай съ братомъ и сестрой въ Австраліи мнѣ очень симпатиченъ.

Симпатиченъ, *поскольку* онъ выражалъ во внѣ то, что въ данную минуту составляло *наивысшее проявленіе* того, что они знали въ себѣ, какъ повелѣніе Божества.

Но связать этотъ поступокъ съ теоріей антимилитаризма не могу. Если-бы другой братъ и другая сестра, при другихъ обстоятельствахъ, пошли—движимые тѣмъ же наивысшимъ, что знали въ себѣ—и завербовались бы въ войско, я счелъ бы поступокъ этихъ вторыхъ *совершенно тождественнымъ* съ поступкомъ первыхъ.

Рациональная же теорія антимилитаризма есть теорія, раз-

вращающая людей. Учение Церкви о томъ же самомъ есть учение истинное. Почему?

Да вотъ почему. Раціональная, гуманитарная, прогрессивная, либеральная и т. п. теорія антимилитаризма основана на приданіи человѣческой жизни первостепенной цѣнности.

Она ведетъ къ тому, что для человѣка смыслъ и центръ мірозданія полагается въ *его собственную личность*. Въ этомъ корень *всякаго и всяческаго разврата*.

Если же Вы устранили изъ теоріи антимилитаризма развращающій элементъ цѣнности личной жизни,—то и получите учение Церкви объ этомъ предметѣ. Раціоналистическое и гуманитарное учение антимилитаризма есть не что иное, какъ антихристово учение объ этомъ предметѣ.

Почему? Да потому, что оно въ корень и центръ ученія кладетъ не *Божеское*, а *человѣческое*. Какъ только Вы станете на почву Божескую, а не человѣческую, то сразу весь вопросъ уяснится.

Вамъ говорятъ: бери билетъ!—Съ удовольствіемъ.

Вамъ говорятъ: бери ружье!—Съ удовольствіемъ, хоть два, если хотите (Матѣ. V, 41).

Вамъ говорятъ: убей!—Нѣтъ, отвѣчаете Вы: не могу. И не потому, что я думаю, что могу убить,—я этого не могу фактически сдѣлать. Думать такъ—это нелѣпо. Не потому, что придаю цѣнность физической жизни чужой или своей, а потому, что не хочу нарушить того, что *я въ эту минуту* чувствую и сознаю, какъ заповѣдь Бога.

Загадываніе *впередъ* нелѣпо во всѣхъ смыслахъ.

Связывать же вынужденіе бумажки, маршировку или стрѣльбу въ цѣль съ убійствомъ, можетъ быть, *очень раціонально и логично*, но ничего общаго съ принципами христіанства не имѣетъ. Господь Промысломъ Своимъ опредѣляетъ, чтобы человѣкъ служилъ Ему въ такой-то ротѣ такого-то полка! (Если Вы скажете, что Богу *нельзя* служить *въ ротѣ*, то нарушите элементарные принципы Божескаго закона). А человѣкъ говоритъ: „нѣтъ, Господи, не хочу Тебѣ служить въ ротѣ (подобно хоть Каратаеву), а желаю Тебѣ служить въ такой-то тюрьмѣ или такомъ-то дисциплинарномъ баталіонѣ! Тебѣ вообще нельзя служить въ ротѣ. Ты ошибаешься. Ибо Ты не дѣлаешь тѣхъ *раціональныхъ и логическихъ выводовъ*, которые вытекаютъ изъ *Твоего же ученія*“.

Такое рациональное исправление происходит и на землѣ. Чертковъ именно такъ „исправляя“ писанія Льва Николаевича.

Опять повторяю: отказъ отъ жребія вполне рационаленъ и логиченъ, но не христіанскій поступокъ, ибо основы его не въ *вѣрѣ*, а въ „*ratio*“.

Ошибка же—въ отказъ человека предаться волѣ Божіей и идти туда и тамъ служить Богу, гдѣ будетъ ему опредѣлено *Промысломъ Божіимъ*.

Человѣкъ „заворачиваетъ себя въ чистый платочекъ рационально понятой заповѣди“ и говоритъ Богу: „я возвращаю себя Тебѣ въ той же чистотѣ, въ какой получилъ себя отъ Тебя“.

Это логично, рационально и нравственно. Но спрашивается: способствуетъ ли это выполнению плана Господняго?

Вѣдь, можетъ быть, суть дѣла въ томъ, чтобы мы работали въ разныхъ условіяхъ (внѣшнихъ)? И какъ можемъ мы знать, въ какихъ именно условіяхъ намъ опредѣлено „потерять свою жизнь, чтобы получить ее“? Итакъ, если отказъ отъ жребія выражаетъ собой именно это, т. е. *отказъ отъ себя*, то, конечно, онъ спасителенъ.

Если же онъ знаменуетъ *утвержденіе себя*, онъ пагубенъ.

Если вспомните все то, что говорилъ объ этомъ Л. Н., то увидите, что есть много общаго. Только Л. Н., какъ рационалистъ (когда переставалъ быть художникомъ), говорилъ о развитіи *своей* совѣсти, о необходимости никогда не жить *выше* своей совѣсти и т. д.

Это вносило и вносить путаницу.

Для яснаго и точнаго выраженія того, что истинно въ словахъ Л. Н., надо было прибѣгнуть къ другой терминологіи. Надо было сказать: „свою совѣсть не только не надо развивать, а надо ее выкинуть вонъ и *дать мѣсто* совѣсти Христовой“.

Это можетъ не понравиться, но путаницы не породить.

Въ Вашемъ письмѣ мнѣ показалось особенно близкой и родственной фраза: „ясно ли вамъ то чувство облегченія, когда хоть издали начинаешь различать эту вершину нашихъ познаній“. Эта фраза дала мнѣ возможность понять сокровенную суть Вашего письма, внутренней смыслъ всякой фразы и выраженія.

Мы всё, рожденные и воспитанные въ лонѣ Церкви, совершенно похожи на того младшаго сына, который, забравъ причитающееся ему достояніе, пошелъ искать доли своей.

Мы оставили кровъ Церкви, и, оперевшись на свои силы, пошли искать жизни. И это естественно и хорошо, и для нѣкоторыхъ необходимо, чтобы жить.

Но вотъ, все извѣдавъ, все испытавъ, видимъ, что нѣтъ намъ питанія внѣ Дома Отцаго. И насъ тянетъ назадъ. Можетъ, это *слабость*? **Несомнѣнно слабость!** Но именно въ *немощи нашей* только и можетъ проявиться *сила Божія*. Я живъ, но уже не я живу. Я изжился, и ослабѣлъ, и потерялъ вѣру въ себя! Вотъ тѣ необходимыя условія, при которыхъ и можетъ только проявиться въ насъ Сила Христа.

И вотъ, мы ориентуемъ свой путь по направленію того, что нѣкогда оставили.

И замѣтите удивительную вещь: такой путь—обратный—къ Дому Отчему, возможенъ только для тѣхъ, въ комъ была сильная любовь къ Личности Иисуса Христа. Безъ такой любви, безъ такого отношенія къ Личности Христа—путь къ Церкви—обратный путь—невозможенъ, ибо Церковь есть Личность Христа.

Для тѣхъ же, для кого Личность Иисуса Христа была не дорога, не любима, для тѣхъ не можетъ быть возврата къ Церкви. Ибо для таковыхъ Церковь только *ученіе*, только *система*, только *организация*. А есть много ученій ничуть не хуже церковнаго, даже куда лучше и рациональнѣй.

Я разъ написалъ Ш—ну: „это не вяжется съ христіанствомъ“ (не помню, что именно), а онъ отвѣтилъ мнѣ по смыслу: „какое мнѣ дѣло до христіанства!“ Вотъ „младшій сынъ“, который *очень много взялъ* изъ Дома Отцаго, *очень богатъ* и *не скоро проживетъ* свое достояніе. Но все же, какъ ни велико это достояніе, оно конечно, а не бесконечно.

И тогда онъ увидитъ и пойметъ, что лучше имѣть маленькій „живой источникъ, который не изсякаетъ“, нежели имѣть громадныя водоемы, изъ которыхъ вода все же испарится. А источникъ—Христосъ. Источникъ и Церковь, т. е. она—Тѣло Христово, и Христосъ живетъ въ ней.

И вотъ мнѣ думается, что когда человѣкъ увидитъ, что ему „некуда идти“, то онъ обязательно вспомнитъ о Лично-

сти Иисуса Христа и придетъ къ этой Личности, не за гробомъ, а тутъ на землѣ. И мнѣ думается, что именно эта потребность живой и осязаемой Личности Христовой и создаетъ наши мистическія секты: разныхъ хлыстовъ, духовоборь, новыхъ израильтянъ и т. п.

Ибо они изъ-за несовершенства *церковниковъ* проглядѣли Христа въ Церкви. А жить надо!! Если вникнете въ дѣло, то увидите, что недовольство Церковью часто выражается именно въ тѣхъ терминахъ и по тѣмъ же поводамъ, въ которыхъ и по которымъ выражали свое неудовольствіе фарисеи и законники.

И не надо думать, что фарисеи были какіе-то уроды. Напротивъ того, это были богобоязненные и нравственные люди.

Ну, довольно. Увлекся, и вышло непозволительно длинное письмо. Оно безалаберно написано, но я надѣюсь, Вы поймете то, что я хочу сказать, хотя и плохо изложилъ.

Я послалъ Вамъ книгу Друммонда. Получили-ли Вы ее?

„That Thou hast taken me out of my own Keeping“.

„Что (не чтобы)¹⁾ ты изъялъ меня изъ моего собственнаго (сохраненія) соблюденія“.

Вѣроятно, предъ этой фразой или послѣ нея есть „благодареніе“.

Это какъ разъ на тему моего письма. Форма же *протестантская*. Раціоналисты говорятъ о связи со Христомъ.

Вообразите себѣ „вожжи“. Вожжи въ рукахъ Христа, и Онъ исправляетъ занузданнаго.

Концепція церковная (я не считаю протестантство Церковью) совсѣмъ другая. Христось не взнуздываетъ христіанина, а живетъ въ немъ. Онъ и Отецъ приходятъ и въ немъ обитель Себѣ избираютъ.

То кеер—это сохранять, соблюдать, исполнять, хранить.

Преданность Л. Н. Личности Иисуса Христа тянула его въ монастырь къ Амвросію Оптинскому.

Тѣ, кто въ юности не имѣли этой преданности, не знали этой любви, тѣ замѣнили Личность Христа ученіемъ. Возвратъ ихъ къ Церкви очень труденъ, ибо, собственно говоря,

---

¹⁾ Фраза: „чтобы ты изъялъ меня изъ моего собственнаго соблюденія“ по англійски будетъ: „That Thou *takest* me out of my own Keeping“.

они никогда къ ней не принадлежали, Ибо, повторяю, *суть принадлежности* къ Церкви Христовой есть любовь къ *Личности Христа*. Ибо Церковь есть Личность Христа. Видимая Церковь—это Тѣло Христа. Духъ Церкви есть Жизнь Христа въ Церкви. До свиданія. Всего хорошаго.

Жму руку. Д. Хилковъ.

Провѣрьте мой взглядъ на своихъ знакомыхъ сектантахъ!

IX.

26 Декабря 1913 г.

Дорогой Я. И., получилъ Вашу открытку. Хотя мнѣ не о чемъ „особенномъ“ писать, но все же хочется написать. Ну, хоть бы для того, чтобы не прерывать бесѣды. Вы, конечно, прочли уже дальше и увидѣли, что опасенія Ваши были напрасны. Друммондъ именно стоитъ на точкѣ зрѣнія „новой твари“. Для него были двѣ *катастрофы*: первая — появленіе физической жизни, вторая — появленіе духовной жизни.

Органическое по отношенію къ неорганическому не старшій братъ, а новая тварь. Такъ и „духовный“ по отношенію къ душевному — не старшій братъ (вѣрнѣе — младшій, если ужъ *точно выразиться*), а новая тварь.

Положимъ, я очень давно читалъ Друммонда, и совсѣмъ не помню. Но у меня осталось такое впечатлѣніе. Кромѣ того, если-бы въ книгѣ шла рѣчь о „братяхъ“, я бы не сталъ ее читать.

А вотъ мнѣ пришло на умъ слѣдующее. Можно-ли, выражаясь *точно*, сказать, что *книга* пригодна только для извѣстнаго духовнаго возраста? Можно ли, выражаясь *точно* и *буквально*, сказать, что на извѣстной ступени *книга* фактически не можетъ ничѣмъ помочь?

Или другими словами: что на извѣстной ступени *никто* не можетъ помочь человѣку, что онъ *самъ* только и единственно можетъ себѣ помочь? Я думаю, что да! Можно сказать!

Подобіе—„утробная жизнь“. И большинство людей нынѣ „духовно живутъ утробной жизнью“, или, вѣрнѣе, живутъ утробной „духовной жизнью“. Ихъ питають, за нихъ ѣдятъ

за нихъ перевариваютъ, за нихъ дышать. Дышать, ѣдать и перевариваютъ матери, рожающія ихъ. Л. Н. Толстой былъ „такою матерью“. И большинство его „друзей“ еще сидятъ у него въ „утробѣ“.

Ваши замѣчанія и рѣчи заставляютъ меня думать, что Вы „уже родились“,—а потому не можетъ быть на землѣ ни книги, ни человѣка, который исполнялъ бы за Васъ функции дыханія, питанія и перевариванія.

Если это такъ, т. е. если моя „основная мысль“ вѣрна, то что же получается? А вотъ что: *рожденные* начинаютъ между собою бесѣдовать, но вся бесѣда ихъ, *все общеніе* ихъ ведется совсѣмъ на другомъ уровнѣ. Они могутъ совершенно *не сходиться* въ какомъ-нибудь вопросѣ, и въ то же время въ известномъ смыслѣ—какъ уже рожденные—совершенно быть въ *унисонъ* другъ съ другомъ. Живущіе же „утробной жизнью“ и разговаривать, непосредственно между собою, не могутъ, а только *черезъ „утробы“*, носящія ихъ. Присмотритесь кругомъ себя. Можетъ быть, Вы согласитесь, что я правъ. Жму руку. Д. Х.

Х.

12 Января 1914 г.

Дорогой Я. И., письмо Ваше отъ 4-го получилъ. Начну съ того, что Вы спрашиваете о „православіи нынѣшнемъ“. Если С—въ мнѣ напишетъ, я буду очень радъ. Истина о томъ, что сбоку виднѣе, всегда будетъ истина. И мы часто, увлекаясь какимъ-нибудь вопросомъ, не видимъ тѣхъ ошибокъ, которыя мы дѣлаемъ въ нашихъ сужденіяхъ о соприкасающемся къ тому, чѣмъ мы увлекаемся. Мнѣ даже думается, что въ этомъ и лежитъ корень т. н. „разногласій“. Несомнѣнно, вѣдь, что въ каждомъ „направленіи“ есть *доля* истины, иначе люди не могли бы въ этомъ „направленіи“ находить „пищи“, но, увлекаясь, они не видятъ той „пищи“, которой питается ихъ оппонентъ.

Чтобы не произошло недоразумѣнія насчетъ „нынѣшняго православія“, какъ Вы говорите, начну немного издалека.

Если вспомните писанія Л. Н. о Догматическомъ Богословіи, то увидите, что онъ считалъ настоящими представителями „христіанства“—іудействующія общины послѣдователей Христа—Евѣонитовъ и т. п.

Лееъ Ник. отрицательно относился къ Павлу. Почему? Да потому, что представленіе о христіанствѣ Павла и Варнавы вовсе не совпадало съ представленіемъ іудействующихъ общинъ.

Іудействующія общины, поддерживаемыя Іаковомъ—братомъ Господнимъ—и отчасти Петромъ (вначалѣ), склонны были въ І. Христѣ видѣть „Пророка“ и больше ничего, Мессію на іудейскій образецъ. Съ этимъ направленіемъ боролось другое направленіе, представителями котораго были Павелъ, Варнава, Лука, Іоаннъ, а послѣдователями не *Іудеи*, а *язычники*. Это направленіе получило въ *Антиохіи* названіе „Христіанства“¹⁾.

Для іудейскаго направленія І. Христосъ былъ Пророкъ, Пророкъ выше всѣхъ пророковъ, Человѣкъ, *Сынъ Человѣчскій*, сознавшій свою *Сыновность* и *Единство* съ Богомъ, Божественный Человѣкъ, то есть „человѣкобогъ“.

Суть проповѣди: вы всѣ можете стать богами. Для этого надо *развить* и *уточнить* до духовности свое *человѣчество*.

Какъ видите, это то, что теперь говорятъ „атеистическія, свѣтскія, научныя, мірскія философіи“. Представленіе Павла, Варнавы, Луки и Іоанна было совсѣмъ другое. Въ ихъ представленіи не человѣкъ дѣлается богомъ, развивая *свое человеческое*, а Богъ сходится на землю, облекается въ *человѣческое* естество, *сообщаетъ* этому естеству Божественную силу и, въ *сотрудничествѣ* съ нимъ, совершаетъ дѣло искупленія и спасенія міра.

И вотъ съ самаго начала мы видимъ *два* ошибки:

1) Іудейская ошибка: І. Христосъ—*только* *человѣкъ*; суть ея: *человѣческое* естество само по себѣ, своими силами *находитъ* и *достигаетъ* спасенія.

2) Другая ошибка — гностическая: І. Христосъ — *только* Богъ. Его *плоть* одна *видимость*. Онъ Своєю властью, Своєю силою *даетъ* спасеніе.

Какъ отвѣтъ и поправка этихъ ошибокъ, является проповѣдь Павла, разъясняющая благоговѣствованіе. Павелъ говорить: для спасенія міра *требуется* совмѣстная работа Божескаго и *человѣческаго* естества.

1) Всѣ эти разсужденія князя—стѣль его излишняго довѣрія къ изученнымъ имъ протестантскимъ богословамъ бауровской школы (кажется,

Искушенный міръ, это—картина, образъ, результатъ *совмѣстной* работы Божескаго и человѣческаго начала, ориентированныхъ, *направленныхъ* по пути спасенія. Такъ учить и Церковь.

И когда мы говоримъ, что *И. Христосъ* „искупилъ міръ“, мы говоримъ слѣдующее: Христосъ далъ возможность „естеству, плоти и т. п. *принять участіе въ дѣлѣ спасенія*“.

Вотъ о чемъ говоритъ великій Апостолъ, говоря: „всякая душа, не признающая Христа, пришедшаго *во плоти—анаѰема*“. Другими словами: анаѰема тотъ, кто отвергаетъ возможность „святости“ для *естества человѣческаго*, кто отвергаетъ возможность для естества человѣческаго *принять участіе въ дѣлѣ спасенія міра*.

По этой концепціи анаѰема тотъ, кто видитъ въ голосѣ плоти—голосъ Сатаны.

Не плоть—Сатана, а Сатана—грѣхъ. И поскольку на плоти лежитъ *клеймо* первороднаго *пятна*, постольку она грѣховна. Но грѣховна *не сама* по себѣ, какъ учатъ еретики (не въ бранномъ смыслѣ), а только постольку, поскольку на ней пятно.

И когда Л. Н. писалъ, что Христа искушалъ *голосъ плоти*, онъ несомнѣнно *искажалъ* Благовѣствованіе Христа.

Сотрите съ плоти *клеймо* грѣха, и плоть такъ же свята какъ и духъ. И *плоть Христа, плоть человѣческая*, не имѣвшая *клейма* грѣха—*свята*, и потому не могла *эта святая* плоть Его искушать.

Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія *святости безгрѣшной плоти*, все *сверхъ естества* плотяного—есть *именно и только* сверхъестественное, а не *противоестественное*. Такъ учить Церковь.

англійскимъ), съ ея ученіемъ объ „универсалистическомъ навлініи“ и „узкомъ петринизмѣ“, какъ о двухъ враждующихъ направленіяхъ мысли въ первобытной христіанской Церкви. Для православнаго сознанія ясно, что въ этой теоріи безъ нужды заостряются тѣ временныя несогласованности, которыя скоро нашли свое „навлініистическое“ разрѣшеніе на іерусалимскомъ соборѣ, гдѣ однако первымъ свидѣтелемъ того, что и язычникамъ открытъ *непосредственный* входъ въ Церковь, былъ ап. Петръ, а ап. Іаковъ вынесъ самую „навлініистическую“ резолюцію, одобренную всѣмъ соборомъ (Дѣян. 15). *М. Н.*

Если же принять, что плоть-естество само по себѣ грѣховно-сатанинское, то тогда выходитъ, что все сверхъестественное (духовное) является „противоестественнымъ“. *Это ересь.*

Наша т. н. интеллигенція, не зная ученія Церкви, безобразно путаетъ этотъ вопросъ.

Теперь о Церкви. Съ самаго начала было два разныхъ представленія о христіанствѣ и христіанской общинѣ.

Иудейское представленіе нынѣ называется раціоналистическимъ. Христіанство сводится къ личной *внутренней* связи каждаго порознь съ Божественной Личностью и къ вѣрѣ въ Нее и Ея дѣло.

При этомъ Сама Личность,—какъ находящаяся *на небѣ*,—все „*таитъ*“. Представленіе о Ней дѣлается *смутнымъ*, и на Ея мѣсто ставится Ея ученіе. И человекъ „связываетъ себя“ не съ Божественной Личностью, а съ Ея ученіемъ.

Гностицизмъ выродился въ мистическія секты. Мистики строятъ свое пониманіе христіанства на началахъ сердечныхъ, *на любви* къ Личности Христа. Они утверждаютъ необходимость познанія живаго, видимаго и осязаемаго Христа. И въ этомъ они правы, ибо Благовѣствованіе Христа *содержитъ* въ себѣ *такое именно представленіе*.

Но не правы мистики, когда ищутъ и находятъ живаго, осязаемаго и видимаго Христа тамъ, гдѣ они Его ищутъ и находятъ.

Теперь обратите вниманіе на слѣдующее:

Раціоналисты не врутъ, они только суживаютъ Благовѣствованіе. Мистики расширяютъ—и распыряютъ совершенно правильно—пониманіе раціоналистовъ, но и у нихъ (кромѣ ошибки исканія и находженія) есть громадный *пробѣлъ*—они игнорируютъ *очень важную часть Благовѣствованія*.

Эта часть относится къ *существованію общины* христіанской и къ взаимной связи ея членовъ.

Въ представленіи раціоналистовъ и мистиковъ *община* христіанская есть *организация*—и больше ничего. Члены этой организациі связаны *между собой* на подобіе членовъ *всякой*

организации: общностью цѣли, вѣрованіями и убѣжденіями. Но вѣдь въ Благовѣствованіи мы имѣемъ указаніе на *другого сорта* общину, на общину, какъ на *организмъ*, на общину, какъ на *живую Личность*.

Вотъ это-то представленіе о Христіанствѣ, какъ о чемъ-то не только Личномъ, но и Соборномъ-общественномъ, мы имѣемъ только въ ученіи Церкви. По ученію Церкви, Церковь Христова не только *организация*, но она еще *живой организмъ*, Живая Личность, Тѣло Христова.

Какъ нѣкогда Христосъ для выполненія Своего дѣла нуждался въ Тѣлѣ, такъ и *нынѣ* для *продолженія* Своего дѣла Онъ нуждается въ видимомъ и осязаемомъ Тѣлѣ. Нынѣшнее Тѣло Христа это—Церковь Его.

Теперь подобіе: что дѣлаетъ живая яблоня, когда она растетъ? Живая яблоня—т. е. какая-то сила, которую мы называемъ *жизнью въ яблонѣ*, хватается *мертвое*, неорганическое и надѣляетъ жизнью, дѣлаетъ живымъ и органическимъ.

Такъ же точно и Христосъ: Сила Христова хватается живое *только физически*, *втягиваетъ* въ Свое Тѣло и надѣляетъ жизнью высшаго порядка, жизнью *невременной*.

Подобно тому, какъ живое *только растительной* жизнью,—втянутое въ человѣка,—начинаетъ жить жизнью *человѣческой*, а человѣкъ начинаетъ жить въ этомъ *растительномъ*, такъ точно и *человѣкъ*, втянутый въ Тѣло Христова, начинаетъ жить во Христѣ, а Христосъ начинаетъ жить въ немъ.

Клѣточки нашего тѣла всѣ живутъ самостоятельной жизнью, но *кромя* этой жизни у нихъ есть и другая жизнь,—та, которую мы имъ даемъ. Для такого представленія, *конечно*, *требуется* вѣра или знаніе о томъ, что *мы* составляемъ [мы есмь] *нѣчто* самостоятельное, отдѣльное, вѣра въ личную душу и т. п. Вотъ точно также и для вѣры въ Церковь, какъ въ организмъ и Тѣло Христа, *требуется* вѣра во Христа, не только какъ въ силу [подобную электричеству, разуму и т. п.], а вѣра во Христа, какъ въ *Личность*.

Клѣточки нашего тѣла, поскольку онѣ живутъ въ *насѣ*, а мы живемъ въ нихъ, имѣютъ общую жизнь и связь между собой. Если же мы умремъ, то въ *трупъ* нашемъ клѣточки,

сохраняя *свою* жизнь, утратить жизнь въ насъ и связь между собой (*въ человеческомъ*).

Вотъ Апостоль, говоря *объ этомъ*, и говорилъ:

„Когда я былъ *втянутъ* въ Тѣло Христа, то я, на подобіе клѣточки, былъ живъ, но центръ тяжести моей жизни и ея смыслъ и значеніе измѣнились. Я живъ,—но уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“.

Если-бы клѣточка нашего тѣла сознала и узнала нашу личную, человѣческую, психическую жизнь, какъ индивидуума, то она могла бы сказать: „я жива, но уже не я живу, а живетъ во мнѣ Иванъ Ивановичъ“. И *объ этомъ* самомъ говорилъ Христосъ. Онъ говорилъ клѣточкѣ: Только та клѣточка, которая начнетъ съ того, что *утеряетъ свою жизнь клѣточки*, можетъ надѣяться получить жизнь въ Иванѣ Ивановичѣ. „Чтобы сохранить душу свою, надо *сначала* потерять ее“.

Когда я уколою свой палецъ, то кто болитъ? Я или палецъ? Апостоль отвѣчаетъ: тебѣ больно *въ пальцѣ!*

Обращу Ваше вниманіе на слѣдующее: Иванъ Карамазовъ находилъ, что благо, — царство небесное на землѣ, — построенное на слезинкѣ ребенка, выѣденнаго яйца не стоитъ, и почтительнѣйше возвращалъ билетъ.

И это замѣчаніе И. Карамазова *всегда будетъ* непреодолимымъ препятствіемъ для осмысливанія жизни, если на нее смотрѣть съ *раціоналистической* точки зрѣнія. То есть *оправдать* жизнь нельзя. И никакой прогрессъ *не можетъ* перетянуть на вѣсахъ—эту слезинку.

И, какъ Вы, конечно, знаете „всѣ мірскіе“ отвѣты на это замѣчаніе И. Карамазова просто глупы. На это замѣчаніе И. Карамазова есть только—и можетъ быть только — одинъ отвѣтъ. Это отвѣтъ Ап. Павла и Церкви.

Страдаютъ не „униженные и оскорбленные“. Страдаетъ не ребенокъ, затравленный собаками, а *страдаетъ Христосъ въ нихъ*.

Вотъ въ чемъ смыслъ и значеніе Голгофы. И слово о Голгофѣ для погибающихъ „юродство“, а для насъ въ Голгофѣ и словъ о Крестѣ—Спасеніе. И мы видимъ и въ Голгофѣ, и въ словѣ о Крестѣ—Силу Божію.

Для искупленія міра нужна Сила Христа и плоть *затра- вливаемого мальчика*, и въ ихъ *взаимной связи и работѣ* совершается дѣло Христово и Искупленіе міра.

По ученію Церкви, мы—частицы и молекулы Тѣла Христова, если не будемъ *противиться* силѣ Христовой, втягивающей насъ въ Тѣло Христово.

Теперь я могу отвѣтить на вопросъ о томъ, что такое нынѣшнее православіе съ точки зрѣнія ученія Святой, Соборной и Апостольской Церкви Христовой. Я спрашиваю спрашивающаго меня: что разумѣете *Вы* подъ словами Церковь Христова? Разумѣете ли *Вы* одну только *организацию*, или же разумѣете „организмъ“?

Есть ли у Васъ вообще представленіе объ общинѣ, какъ объ *организмѣ*? Если *Вы* *такого* представленія *не* имѣете, то примѣнять къ организации наименованіе *Церковь* не слѣдуетъ, ибо это только порождаетъ недоразумѣнія. Лучше называть партией, обществомъ, общиной и т. п. Тогда и вопросъ явится въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ, а именно: похожа ли современная намъ православная *партія* или *община* на *первобытную* партію, организацию или общину христіанскую? И я отвѣчаю: нисколько не похожа! Затрудненіе тутъ только въ томъ, что судить объ организации, въ которую входятъ сотни милліоновъ, трудно. Но все же отвѣтъ остается тотъ же: нисколько не похожа!

Но если мы станемъ на точку зрѣнія Благовѣствованія и признаемъ, что Церковь есть именно Церковь,—храмъ живущаго въ ней Святаго Духа, Тѣло Христово и *живой организмъ*,—то все представленіе наше мѣняется, а вопросъ утрачиваетъ всякій смыслъ. Утрачиваетъ потому, что въ немъ нѣтъ вопроса! Нѣтъ вопроса въ томъ смыслѣ, какъ нѣтъ вопроса въ вопросѣ: *сколько верстъ* можетъ пролетѣть въ часъ корова? Нельзя спрашивать о числѣ верстъ, разъ корова *вовсе* не летаетъ.

Итакъ, говоря о Церкви, мы говоримъ о живомъ организмѣ. Разъ мы это установили,—я спрашиваю: что разумѣется подъ словами „нынѣшнее православіе?“ Вѣдь Церковь, это *жизнь* во Христѣ сотенъ милліоновъ людей. Отчего мы можемъ думать, что эта жизнь во Христѣ этихъ сотенъ мил-

ліоновъ или части ихъ—не та же самая, которой жили и раньше части и молекулы Тѣла Христова?

Въ данномъ случаѣ, и при такомъ взглядѣ на Церковь (какъ на живой организмъ), указывать на „группу архіереевъ“, по *ученію* Отцовъ Церкви, все равно, что подойти къ яблонѣ, указать на *дуло* и сказать: Вы утверждаете, что яблоня жива, что это нѣчто живое и реальное, а вотъ смотрите—пустое мѣсто, наполненное грязью и пылью!

И еще подобіе: на тѣлѣ человѣка выросъ „злокачественный наростъ“. Такъ опредѣлили доктора.

Теперь я спрашиваю: въ какомъ отношеніи находится этотъ наростъ къ личности человѣка? Скажемъ такъ: наша индивидуальность живетъ въ нашемъ тѣлѣ, живетъ въ рукѣ, ногѣ, въ ухахъ. Вскакиваетъ „наростъ“. Я спрашиваю: живемъ ли мы въ этомъ наростѣ?

Это вопросъ сложный.

Христосъ даетъ такой отвѣтъ: Онъ говоритъ: пока наростъ „чувствителенъ“, пока вамъ больно, если его будутъ „колоть“, до тѣхъ поръ несомнѣнно вы живете въ этомъ наростѣ. Если же „чувствительность“ *потеряна*, то да будетъ вамъ этотъ наростъ, какъ мытарь и грѣшникъ. Если онъ „не слушается“, *если чувствительность утеряна*, то, значить, онъ уже не часть тѣла.

Вотъ совершенно то же самое и съ „нынѣшнимъ христіанствомъ“. Ученіе не измѣнилось, значить—дѣло идетъ о людяхъ. О людяхъ же *намъ судить трудно*.

Соборный голосъ Церкви—есть голосъ Самого Христа, и судить о Синодѣ можетъ только *Соборъ*. Если онъ соберется, то и скажетъ свое слово ¹⁾.

Или иначе: „нынѣшняго христіанства нѣтъ“. Была, есть и будетъ одна Церковь Христа—Тѣло Христа. Это Тѣло было *всегда* одно и неизмѣнно. Въ католичество Церковь дѣлится на „учащую и поучаемую“. Въ Православіи ничего подоб-

¹⁾ Признаніе собора—въ свою очередь—подлежитъ повѣркѣ вселенскаго церковнаго сознанія. *М. Н.*

наго нѣтъ. По ученію Православія епископъ въ дѣлѣ административномъ глава паствы. Въ дѣлѣ же *върваній* есть только *свидѣтель о вѣрѣ* своей паствы.

Вѣдь былъ и такой примѣръ: поѣхали епископы на соборъ и тамъ написали постановленіе. Приѣхали домоѣ и объявили пасомымъ постановленіе свое. Пасомые,—т. е. Церковь,—т. е. Тѣло Христово,—не только не приняли этого постановленія, а объявили епископовъ еретиками. Такъ и съ постановленіями Синода.

У католиковъ дѣло стоитъ совершенно иначе. Тамъ епископъ—учитель, и его слово о *вѣрѣ* обязательно. У насъ ничего подобнаго.

Но, дѣйствительно, интеллигенція наша, не интересуясь этими вопросами, этого не знаетъ и, говоря о Церкви или догматическихъ вопросахъ, называетъ церковными *воззрѣніями*—воззрѣнія католической церкви.

Заканчиваю: „нынѣшняго Православія“—нѣтъ и не можетъ быть.

Православіе одно и неизмѣнно.

Всегда было, есть и будетъ едино.

Тѣло Христово одно. И всегда было однимъ, и мѣняться или измѣняться по существу не можетъ.

Полнота Истины всегда содержалась и содержится въ этомъ Тѣлѣ.

А кто именно выражаетъ эту Истину ярче: „юродивый“, неграмотный извощикъ или епископъ,—мы не знаемъ. Иногда юродивый, иногда епископъ, иногда извощикъ; смотря—какой юродивый, какой епископъ, какой извощикъ.

Это въ дѣлахъ вѣры (въ этихъ дѣлахъ епископы были и могутъ быть даже еретиками).

Въ дѣлахъ же *административныхъ, организаціонныхъ* епископъ глава паствы, и его *надлежитъ слушаться*.

Я думаю, что такое положеніе вещей, такое ученіе не только разумно, но, дѣйствительно, отвѣчаетъ запросамъ человѣка и налажено такъ, что *помогаетъ человѣку въ дѣлѣ его спасенія*.

Нѣсколько примѣровъ и иллюстрацій:

1) Согласитесь съ тѣмъ, что истинная „демократичность“ и братство и равенство *только* въ церковномъ ученіи.

Мы равны и братья, только если мы части и молекулы одного и того-же живого тѣла. Въ организаціи нѣтъ и не можетъ быть „*органическаго*“ равенства и братства.

Только при концепціи церковной *голова* или *рука* не могутъ „гордиться“ *передъ ногой* или *ухомъ*.

Да вотъ еще пришло на умъ: сравните Вы христіанство и буддизмъ. Если не примете ученія Церкви о Тѣлѣ Христовомъ, то увидите, что нѣтъ въ Христіанствѣ чего-либо такого, что можно противопоставить буддизму. Но ученіе Церкви о Тѣлѣ Христовомъ, о живомъ *организмѣ*, живущемъ здѣсь на землѣ *вышей* жизнью, сразу возвышаетъ христіанство надъ буддизмомъ.

Оно дѣйствительно говоритъ *новое* слово, которое буддизмомъ *не сказано*.

Если я въ своихъ письмахъ повторяюсь, простите. Я обыкновенно забываю то, что раньше писалъ, а потому могу легко повторять уже сказанное.

Возвращаюсь къ предмету:

2) Возьмите Вы *послушаніе* Церкви. Вѣдь это прекрасная вещь, *ибо, дѣйствительно*, способствуетъ *широтѣ* личной жизни и *личной свободѣ*,—т. е. познанію истины.

Если Вы согласны съ тѣмъ, что скромность и отсутствіе самолюбія *способствуютъ* *духовному* росту, то должны признать и пользу послушанія.

Посмотрите на дѣло съ психологической стороны. Скажемъ. я вѣрю въ переселеніе душъ (какъ Оригенъ). Вѣря въ это, я начинаю это проповѣдывать. Церковь мнѣ *запрещаетъ*. Скажите: какъ Вы думаете, когда я извлеку большую пользу *изъ этого своего убѣжденія*—если слушаюсь или не слушаюсь? Если я не слушаюсь и буду съять это свое убѣжденіе, какъ пшеницу, я потѣшу діавола—*энергія* вѣрованія *разсѣется въ словахъ*. Если слушаюсь и буду молчать, то, *конечно*, буду больше *самъ обдумывать* это вѣрованіе, и это вѣрованіе—истинное или ложное—„безразлично“—принесетъ *плодъ*. И этотъ *плодъ* и будетъ *то*, чего ждетъ отъ меня Хозяинъ.

3) Тайнства. Если мы признаемъ, что Церковь есть „организмъ“, то, несомнѣнно, должны признать и тайнства этого Живого Организма.

Если же Церковь есть только организація, партія или людское сообщество, то, конечно, говорить о тайнствахъ или вѣрить въ нихъ совершенно нелѣпо.

4) Чудеса. Если Церковь *Живой Организмъ*, и организмъ *высшаго*, метафизическаго порядка, то само собою мы должны признать и чудеса,—т. е. что-то такое, что *сверхъ-физическаго естества*, но не *противо-физическаго естества*.

Если же такой *высшей* жизни нѣтъ, то нелѣпо и глупо говорить о чудесахъ, ибо сами себя мы за уши поднять не можемъ. Но это не значитъ, что *другой* насъ не можетъ поднять. Если же мы отрицаемъ этого другого, то, конечно, нелѣпо говорить о возможности быть поднятымъ за уши.

Если вникнете въ дѣло, то увидите, что въ Евангелии часто обо всемъ этомъ говорится, и вопросъ ставится именно такъ, то есть утверждается необходимость разобраться въ основныхъ вопросахъ, въ основѣ дѣла.

Въ заключеніе могу сказать, что, ознакомившись съ ученіемъ Православной Церкви, я пришелъ къ заключенію, что это ученіе: 1) исчерпываетъ Благовѣствованіе, 2) самое разумное изъ всѣхъ *известныхъ мнѣ* схемъ міропониманія, 3) единственно „*универсальное*“—т. е. обращается равно какъ „къ *волхву-мудрецу*“, такъ и *пастуху*, 4) единственное ученіе, которое даетъ отвѣты и удовлетворяетъ всѣ запросы разума и сердца человѣческаго. Вотъ въ общихъ словахъ, что я могу отвѣтить на Вашъ вопросъ и на вопросъ С—ва.

Если Вы и С—въ напишите мнѣ по поводу этого моего письма, то буду очень радъ, ибо, какъ я сказалъ, „сбоку часто видяе“.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Если въ Благовѣствованіи Христа нѣтъ идеи и ученія объ *Общинѣ* друзей Христовыхъ, какъ о живомъ *Организмѣ*, живой Личности, какъ о Христѣ, нынѣ живущемъ среди насъ видимо, осязаемо и облеченномъ въ естество человѣческое;—если іудействующіе хрістіане, т. е. рационалисты,

правы, и Благовѣствованіе Христа содержитъ въ себѣ лишь идею и ученіе объ Общинѣ друзей Христовыхъ, какъ *организациіи*, то Левъ Ник. и прочіе—имя имъ легіонъ—совершенно правы, утверждая, что христіанство либо схоже со *всею* мудростью человѣческой, либо уступаетъ ей.

Если христіанское общество друзей Христовыхъ только *организациія*, то она куда ниже буддистской общины. Книга „*Душа одного народа*“ намъ въ этомъ порукой.

А монахи первыхъ вѣковъ или средневѣковья? Эта грязная и нелѣпная орда, убившая Ипатію? А Инквизиція? А наши застѣнки и Соловки? Да вѣдь это-же возмутительно!

И вотъ, глядя на все это, человѣческіе разумники и мудрецы *совершенно правы*, когда говорятъ или рѣзко и правдиво, какъ Ш—нъ: какое мнѣ дѣло до христіанства?—или говорятъ *не рѣзко*, но зато съ *утайкой*: христіанство вполне согласно со *всею* мудростью человѣческой.—И съ буддизмомъ, и съ конфуціанствомъ, и съ ученіемъ Лаотце и т. п. А Л. Н. говоритъ: „Оно до того просто и разумно, что, если-бы я не имѣлъ Евангелія, я бы самъ къ нему пришелъ—т. е. къ схемѣ христіанства“. Мнѣ лично отъѣвъ Ш—на (такая точка зрѣнія) больше нравится. Онъ прямѣе и правдивѣе; нѣтъ въ немъ *лукавства* и утайки, и подходевъ.

Итакъ: если цѣль Христа—это основаніе хорошей, *человѣческой организациіи*, въ которой человѣкъ могъ бы *развивать* въ себѣ все лучшее, то надо сказать, что не только цѣль не достигнута, но и сама концепція, концепція самой организациіи, куда ниже буддизма,—*что и доказано на дѣлѣ*. Но если Благовѣствованіе Христа не въ этомъ, если Христосъ пришелъ основать не организацию, а *дать жизнь высшему организму*, то картина совершенно мѣняется.

Тогда толпы грязныхъ тунеядцевъ-монаховъ, инквизиція, Соловки и т. п. *тутъ ровно не при чемъ*.

Указывать на нихъ, желая умалить христіанство, такъ же нелѣпно и неразумно, какъ если-бы кто-нибудь при спорѣ о превосходствѣ грязнаго подорожника передъ граненымъ алмазомъ, съ точки зрѣнія „*жизни*“, указывалъ на то, что подорожникъ въ *навозѣ*.

И *такія замѣчанія всегда дѣлались, и всегда дѣлаются, и всегда будутъ дѣлаться иудействующими*.—т. е. рационалистами.

Они говорили и говорятъ Христу: Твои ученики въ навозѣ!

А Христось всегда отвѣчалъ, отвѣчаетъ и будетъ отвѣчать: Да! къ сожалѣнiю, это такъ, но разъ *они живы*, то навозъ они скинутъ съ себя. Что толку, *что на васъ, иудеи*, нѣтъ навоза,—разъ вы мертвые?

Разъ мы за *критерiй* возьмемъ *жизнь вѣчную*, то Церковь Христова съ грязными монахами, инквизицией и всякимъ *безобразiемъ*,—все-таки выше *земной* организаціи съ временной жизнью, какъ бы эта организація ни была чиста и отшлифована, И Л. Н. въ *минуты просвѣтлѣнiя* это понималъ, и завидовалъ *грязной, распутной* бабѣ, которую видѣлъ молящейся, *то есть утверждающей* свою жизнь въ *Церкви Христовой*, т. е. въ этомъ живомъ, вѣвременномъ *организмѣ*.

Итакъ, значить, вопросъ о „нынѣшнемъ православiи“ не можетъ быть спокойно обсуждаемъ, если раньше не поставить и не разрѣшить слѣдующихъ вопросовъ:

1) Въ чемъ дѣло Христа? Пришелъ ли Онъ основать партiю, общество, общину, *организацію*? Или же Онъ приходилъ *дать жизнь* высшаго порядка новому *организму*.

2) Когда мы говоримъ „объ искупленiи міра Христомъ“, что мы этимъ хотимъ выразить?

Понимаемъ ли мы нужду въ сотрудиществѣ Божественнаго и человѣческаго естества? Или не понимаемъ и отвергаемъ?

3) Имѣемъ ли мы основанiе утверждать, что ученiе о Церкви, какъ объ живомъ *организмѣ*, находится въ Благовѣствованiи Христа.

Гдѣ же та точка, гдѣ и въ чемъ тотъ пунктъ, который заставляетъ людей такъ или иначе отвѣчать на эти вопросы?

Пунктъ этотъ въ отношенiи нашемъ къ Личности Христа.

И замѣьте очень важный фактъ: *все люди*, кромѣ евреевъ, любятъ Иисуса Христа, когда узнаютъ о Немъ.

И я думаю, что этого совершенно достаточно. Въ этомъ и альфа и омега нашего спасенiя.

И удивительное дѣло: основанiе Церкви Своей Христось

видѣлъ именно въ любви къ Нему. Онъ спрашивалъ Петра: любить ли онъ Его? И добавлялъ: „Паси стадо Мое“.

И сколько я ни думаю и ни вникаю въ дѣло, я не вижу другой основы для утвержденія Церкви Христовой въ той концепціи, въ какой я изложилъ дѣло, какъ именно любовь къ Иисусу Христу. Я никакъ не могу себѣ представить, чтобы безъ этой любви можно было принять ученіе о Церкви Христовой.

И я не могу себѣ представить, *чтобы при наличности этой любви*,—рано или поздно—человѣкъ не принялъ ученія о Церкви и ученія Церкви.

Тутъ только вопросъ времени, вопросъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Если Церковь Христа есть *живой* организмъ, то нельзя ставить Церкви въ вину нелѣпныхъ монаховъ и митрополитовъ съ алмазами, на томъ же основаніи, на какомъ нельзя обвинять Спасителя въ томъ, что къ Нему приближались мытари, грѣшники и блудницы.

Если же можно ставить въ вину Церкви Христовой митрополитовъ съ алмазами, то, значить, іудеи были правы, говоря: Онъ *другъ* мытарей и грѣшниковъ.

Если мы хрістіане, то должны же мы понимать „азбуку“, а именно: или—что алмазы для митрополита *ничто*, и тогда не можемъ мы обращать на нихъ вниманія; или — они для него навозъ,—и тогда мы должны пожалѣть бѣднягу. Но зачѣмъ же его ругать?

Но хуже всего мѣшать сюда Церковь.

Мытари и грѣшники, шедшіе за Христомъ, навѣрное были „больны“. Но не надо эту *болѣзнь* переносить на *врача*: на Христа, на Его Церковь!

Если напишете, буду очень радъ.

Крѣпко жму руку. Д. Хилковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
